

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 15 февраля 1946 года, 4 ч. дня Черч Хауз, Вестминстер, Лондон

Председатель; Г-н Н. Дж. О. МЕЙКИН (Австралия)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

83. Обсуждение письма глав ливанской и сирийской делегаций¹²² (продолжение)

Представители Сирии и Ливана занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски). Слово принадлежит представителю Ливана, который, как я понимаю, желает возразить на то, что было сказано.

Г-н ФРАНЖИ (Ливан) (говорит по-французски). Я не хотел бы оставить членов Совета Безопасности под впечатлением речи, несомненно красноречивой, представителя Франции. В действительности, дело не в неизменно великодушной Франции, с одной стороны, и не в неизменно недовольных Ливане и Сирии, с другой стороны. Я думаю, что мне следует, в интересах справедливости, представить в несколько более темных тонах ту идиллическую картину, какую нарисовал нам сегодня утром представитель Франции. Я воспроизведу факты в их хронологическом порядке.

Сегодня утром г-н Бидо напомнил нам, что, не ожидая конца войны и в обстоятельствах, все еще очень трудных, правительство генерала де-Голля провозгласило независимость Сирии и Ливана в июне 1941 года, еще до вступления в названные страны французских и британских войск. В действительности, когда в июне 1941 года союзное верховное командование решило предпринять кампанию в Сирии и Ливане, чтобы изгнать оттуда администрацию Виши и германцев, начавших пользоваться там аэродромами, в распоряжении верховного командования были только незначительные силы. Я думаю, — это не секрет теперь, — что всего-на-всего было около двенадцати тысяч британских войск и от 2 500 до 3 000 солдат Свободной Франции. Чтобы начать эту кампанию и привести ее к удачному концу, союзное верховное командование нуждалось в поддержке населения Ливана и Сирии. Чтобы обеспечить себе эту поддержку, британское и французское правительства сочли необходимым пойти навстречу пожеланиям этих стран.

Это обстоятельство вполне ясно вырисовывается из заявления, сделанного британским представителем сэром Майлс Лэмпсоном, так как было сделано не одно общее заявление, а два отдельных — одно французское и одно бри-

танское. 8 июня сэр Майлс Лэмпсон заявил от имени британского правительства:

«Я уполномочен также заверить вас в том, что если вы будете помогать союзникам и присоединитесь к ним, то правительство Его Величества в Соединенном Королевстве предоставит Вам все те преимущества, какими пользуются все свободные страны, с ним связанные».

В тот же день генерал Катру, говоря по радио из Иерусалима, заявил:

«Если в ответ на мое обращение вы присоединитесь к нам, вы можете быть уверены в том, что британское правительство в соглашении со Свободной Францией готово предоставить вам все преимущества, какими пользуются свободные страны, с ними связанные».

Фактически Ливан, а равно и Сирия старались оказывать союзному командованию всю помощь, какую только могли. Они предоставили в его распоряжение все пути сообщения, экономические и промышленные ресурсы и даже людской элемент. Я думаю, никто не станет оспаривать, что на полях сражений Среднего Востока ливанцы и сирийцы входили в состав британских и французских войск (особенно французских) и что все наши ресурсы находились в распоряжении союзников по праву реквизиции.

Таким образом, признание независимости Сирии и Ливана не является только жестом благоволения, но актом справедливости, и также необходимо, вызванной требованиями войны.

И как раз после этого признания и этих известных деклараций, о которых говорил сегодня утром г-н Бидо, между нами возникли затруднения. Мы настаивали на фактическом осуществлении нашей независимости, а нам приводили доводы военного, политического и общего характера, препятствовавшие удовлетворению наших требований. Наши затруднения начались задолго до 1943 года; события 1943 года были только логическим завершением, кульминационным пунктом этих затруднений, возникших, я повторяю, из того обстоятельства, что мы настаивали на фактическом осуществлении нашей независимости, в то время как нам предлагали довольствоваться одними декларациями.

Среди доводов, приведенных сегодня утром, я отмечаю один, приведенный нам г-ном Бидо, согласно которому Сирия и Ливан требуют первые удаления иностранных войск со своих территорий, между тем как военное время еще не пришло к концу, и войска всех национальностей продолжают оставаться в силу необходимости на территориях воевавших стран, которые мирятся с этим без ропота и без протестов. Я отмечаю также и то удивление, которое г-н Бидо выразил по этому поводу.

Мне кажется, нет надобности подчеркивать то обстоятельство, что присутствие иностранных войск на территории союзной и независимой страны может быть оправдано только военной необходимостью. Французская делегация не мо-

¹²² См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 9.

жет серьезно утверждать, что операции против Германии и Японии в настоящее время не закончены.

Кроме того, Совету были также представлены соображения, которые могли бы оправдать присутствие войск на территории союзных стран, независимых и суверенных. Говоря о Греции, г-н Бешинский заявил, что существуют только две категории причин, которые могут оправдать присутствие на чужой территории войск: первая — необходимость вести борьбу на данной территории, чтобы помочь изгнать вторгнувшегося врага, и вторая — необходимость обеспечить сообщения войск, которые ведут борьбу и преследуют вторгнувшегося врага.

Со своей стороны, г-н Бевин привел третье основание — когда правительство данной страны обращается к правительству дружественного государства с просьбой прислать войска ему на помощь.

Но вы могли бы сами констатировать, что на нашей территории нет врага, что нет никакой необходимости в обеспечении сообщений для передвижения предназначенных для военных действий войск и что мы не просили, чтобы эти войска оставались на нашей территории.

Я думаю, что г-н Бевин вывел правильное заключение по этому вопросу, когда сказал, говоря о Греции: «Если греческое правительство решит, что оно нас не хочет, мы не будем себя ему навязывать»¹²³. Ставя ту же проблему в еще более общем смысле, уважаемый представитель Бразилии заявил: «Это не значит, что я одобряю в принципе пребывание иностранных войск в какой-либо стране, за исключением бывших неприятельских стран»¹²⁴.

Я не буду останавливаться, господа, на доводе, также приведенном сегодня утром, о том, что французская дипломатия дала нам возможность принять участие в Сан-Францисской конференции. Я предоставляю истории это выяснить. Но я хотел бы отметить, что суть дела здесь заключается не в дипломатических представлениях, а в том, что даже державы, пригласившие нас, не могли бы сделать этого, если бы они не считали нас странами независимыми и суверенными, имеющими право и достойными чести подписать Устав Организации Объединенных Наций.

С одной стороны, мы удовлетворяли всем требуемым условиям, мы сделали во время войны все, что было в наших силах, чтобы помочь обшему делу.

С другой стороны, я предлагаю французской делегации сделать логический вывод из того факта, что если мы были допущены в Сан-Франциско и если теперь мы находимся в качестве членов Организации Объединенных Наций в этом высоком собрании, то это потому, что мы являемся странами свободными, независимыми и суверенными, — без каких-либо ограничений этого суверенитета. Мы хотим, чтобы французская делегация сделала из этого факта окончательный вывод и сказала: «Мы не имеем

права держать войска на территории этих стран и мы не имеем права ставить какие-либо условия для их вывода».

Нам говорят, что французское правительство, в согласии с британским, доказало свою добрую волю, возбудивши заранее и по своей инициативе ряд вопросов в связи с эвакуацией, но что детальный план этой эвакуации еще не разработан.

Нам трудно понять, что есть какая-либо нужда в детальном решении вопроса об эвакуации иностранных войск с территории, я повторяю, государств независимых и членов Организации Объединенных Наций. Единственным решением этого вопроса является эвакуация, другого быть не может.

Также мы не понимаем, почему представитель Франции счел нужным в своем заявлении прибегнуть к выражениям, которые понимаются как дипломатические, но которые по-моему неясны и неточны. Относительно соглашения от 13 декабря прошлого года, мы не просили разъяснений в столь же неясных выражениях как и выражения самого соглашения. Мне кажется, что было бы гораздо более логично сказать просто-напросто: «Мы произведем эвакуацию наших войск; мы приступим к эвакуации такого-то числа».

Чтобы сделать для нас приемлемыми условия этой эвакуации, нам говорят: «Французские и британские войска спасли эти страны от ужасов войны. Как можно утверждать, что вдруг те же войска угрожают теперь миру?»

Мне нет необходимости излагать вновь исторические факты, которые у всех еще свежи в памяти. Мне нет надобности говорить о том, что в действительности спасло Средний Восток от войны: это — сопротивление, это — победа при эль-Аламейн. Это, конечно, явилось результатом объединенных усилий всех, включая французоз, но это не могло быть результатом присутствия французских войск в Ливане и Сирии.

Я не могу, к сожалению, обойти молчанием то обстоятельство, на которое намекнул сегодня утром сэр Александр Кадоган, представитель Соединенного Королевства. Сэр Александр Кадоган счел нужным напомнить, что положение вещей в Ливане и Сирии стало до того невыносимым (мне кажется, что он именно так выразился), что явилось необходимым, по просьбе правительств Ливана и Сирии, оставить там британские войска и даже — скажу я — их усилить, чтобы предупредить еще большие беспорядки, чем те, какие имели место в мае 1945 года.

Я полагаю, что еще с меньшим основанием можно оправдать отказ вывести войска из наших стран тем, что эти страны все еще под большой угрозой. Прежде всего я ставлю вопрос: кто нам угрожает? Мы окружены странами, которые являются нашими друзьями, с которыми мы подписали пакт Арабской лиги, с которыми у нас исключена возможность какого-либо конфликта и с которыми, наконец, мы связаны этим более широким и всеобъемлющим договором — Уставом Организации Объединенных Наций. Все окружающие нас страны, я повторяю, — эти наши друзья, и если какой-либо конфликт возникнет когда-нибудь на Среднем Востоке, я считаю более вероятным, что эти

¹²³ См. стр. 45.

¹²⁴ См. стр. 87. Выдержка из речи г-на Фрейтас-Валле гласит: «Но конечно, это не означает, что мы признаем принцип допущения иностранных войск для наблюдения за производством выборов, кроме как в случаях, касающихся бывших неприятельских стран».

страны будут на нашей стороне, а не на стороне наших врагов.

Я полагаю, что Сирия и Ливан не находятся под большей угрозой, чем любая из стран, подвергнувшихся вторжению врага. Греция испытала такое вторжение, равно как и ряд других стран. Но относительно Греции нам говорят, что чужие войска готовы покинуть ее территорию в любой момент, и не приводят соображений о том, что Греция подверглась вторжению врага, что, следовательно, она находится под угрозой и что поэтому необходимо присутствие иностранных войск на ее территории.

Британское правительство действительно заявило, что оно готово эвакуировать свои войска по первому требованию. Я полагаю, что было бы очень разумно последовать этому примеру.

Я подхожу к концу моего изложения. Французская делегация просила вас быть уверенными в том, что Франция и Англия смогут найти, в приемлемый срок и в согласии с мнением Совета, решение проблемы эвакуации. Я повторяю еще раз, что проблемы эвакуации не существует, если не считать чисто технической стороны таковой эвакуации.

Есть еще другой вопрос, о котором французское заявление умалчивает: только правительства Ливана и Сирии могут гарантировать безопасность на этих территориях. И в самом деле одной из главных причин, которые привели нас сюда, является тот факт, что мы не можем признать чьего-либо права, кроме нашего, обеспечивать нашу собственную безопасность или даже коллективную безопасность на наших территориях.

Делегация Ливана, как и делегация Сирии готовы рассмотреть любую формулу, составленную в согласии с основными принципами Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривала бы одновременный вывод британских и французских войск из Сирии и Ливана в полном уважении к абсолютному суверенитету этих двух государств, устанавливала бы безоговорочный характер этого вывода, притом в кратчайший, отвечающий техническим и материальным соображениям срок, и оставляла бы весь вопрос в ведении вашего высокого Совета, впрямь до окончательного вывода войск.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Угодно ли представителю Сирии высказать какие-либо замечания?

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я согласен с моим другом, председателем делегации Ливана, в том, что он сказал в своем заявлении. Чтобы не терять времени и не повторять уже сказанного, я предпочитаю пока удовольствоваться теми соображениями, которые он представил. Есть еще другие вопросы, которые я имею в виду возбудить позднее.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мы заслушали заявления представителей Сирии и Ливана о вопросе, внесенном ими на рассмотрение Совета Безопасности, а также заявления сэра Александра Кадогана и министра иностранных дел Бидо.

Основным моментом этого дела является требование правительств Сирии и Ливана, чтобы

иностранные войска покинули их территории в возможно краткий срок.

Это дело было возбуждено на основании главы VI Устава. Статья 33 этой главы ясно предусматривает, что стороны должны прежде всего искать разрешения вопроса теми или иными мирными способами по их выбору. Одним из таких способов являются непосредственные переговоры. Из того, что мы слышали, мне кажется, что далеко не исчерпаны все возможности, заключающиеся в таких переговорах, для мирного разрешения этого спора.

Говоря от имени правительства Соединенных Штатов, я полагаю, что, если такие переговоры будут предприняты, вопрос должен все же оставаться в ведении Совета, который оставляет за собой право запрашивать сведения о ходе переговоров и о достигнутых результатах.

Что касается самой сущности вопроса, представленного на рассмотрение Совета, я хочу вкратце разъяснить точку зрения моего правительства. Основная линия политики Соединенных Штатов в этом отношении направлена к тому, чтобы поддерживать и поощрять возможно скорый вывод войск из пределов любого государства-члена Организации Объединенных Наций, где эти войска находились во время войны, если правительство такого государства желает их удаления. Эта основная позиция моего правительства была ясно представлена во многих случаях. В соответствии с этой основной политикой, я хочу выразить надежду правительства Соединенных Штатов, что пожелания правительств Ливана и Сирии о выводе иностранных войск с их территорий в возможно краткий срок будут удовлетворены соглашением, приемлемым для обеих сторон.

А. Я. ВЪПШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): После того, что Совет Безопасности уже обсуждал в течение предыдущих заседаний в связи с вопросами о Греции и Индонезии, можно было бы рассчитывать на то, что разрешение того вопроса, который возник в связи с заявлениями сирийского и ливанского правительств, не должно было вызывать никаких затруднений.

Между тем, мы вот уже целый день рассматриваем эти заявления, и создается такое впечатление, что в Совете Безопасности делаются попытки найти такое решение вопроса, которое в действительности уводило бы нас от настоящей задачи, что стараются найти такое решение вопроса, которое противоречит или, несомненно, направляется к тому, чтобы вступить в противоречие с теми принципиальными соображениями, о которых говорилось в Совете Безопасности при рассмотрении аналогичных вопросов. Вот почему мне кажется необходимым вновь вернуться к такой принципиальной постановке вопроса. Я это и хочу сейчас сделать.

Мы здесь заслушали объяснения представителя французского правительства и главы французской делегации г-на Бидо и объяснения сэра Кадогана, который излагал точку зрения на этот вопрос британского правительства. Я хочу остановиться раньше всего на том, что здесь говорил г-н Бидо.

Я должен напомнить об одном документе, который был вручен генералом Бейнэ, представителем Франции, правительствам Сирии и Ли-

вана 18 мая 1945 г. В этом документе французское правительство заявляло, что оно всячески поддерживает независимость Сирии и Ливана, и в то же самое время указывало на то, что у Франции в Сирии и Ливане имеются свои интересы, которые требуют со стороны французского правительства особых мероприятий. И далее в этой записке излагается, какие это интересы.

Этот документ начинается такими словами:

«Первым жестом властей Свободной Франции, когда они вступили в Ливан в 1941 году, было провозглашение независимости Сирии и Ливана. Именно вследствие этого жеста эта независимость приобретена в настоящее время».

Французское правительство в этой памятной записке заявляет, что его интересы, интересы Франции, оно намерено защищать таким образом, чтобы никак не была затронута независимость Сирии и Ливана. В записке говорится:

«Франция гордится тем, что предпринятая ею защита так успешно была завершена. Она желает, чтобы правительства Сирии и Ливана осуществляли полную свою власть без помех и препятствий какого бы то ни было рода».

Дело в этом случае шло о том, при каких условиях французское правительство может дать согласие на то, чтобы передать Сирии и Ливану так называемые специальные войска. И вот в этой записке генерала Бейне указывается на то, что это согласие французское правительство может дать только в том случае, когда будет достигнуто соглашение по трем линиям — культурной, экономической и стратегической. Таким образом, самый вопрос о передаче специальных войск в распоряжение сирийского и ливанского государств, что явилось бы одним из важных доказательств уважения суверенитета этих государств, ставится в зависимость от того, будут ли выполнены, или нет, требования, которые французское правительство считало для себя возможным предъявить этим двум государствам в культурном, экономическом и стратегическом отношениях.

Мне кажется, что культурные интересы наиболее целесообразно, правильно и справедливо было бы защищать культурными средствами, было бы справедливо защищать при помощи влияния своей культуры, а не при помощи своих вооруженных сил. Как видно, правительство де-Голля в свое время держалось другой точки зрения. С тех пор во Франции произошли некоторые изменения, но из выступления г-на Бидо не видно, чтобы точка зрения французского правительства претерпела изменения.

То же самое надо сказать и относительно экономических интересов. Здоровые экономические интересы и отношения, построенные на правильном понимании этих интересов между суверенными государствами, должны развиваться на основе экономической заинтересованности соответствующих государств, а не на такой основе, как это излагается в записке от 18 мая 1945 г., и которая говорит сама за себя.

Что касается, наконец, стратегических позиций или стратегических баз, позволяющих, как говорилось в записке генерала Бейне, гарантировать коммуникации Франции с ее заморскими владениями, то стратегический характер этого требования не требует особых объяснений. Все

эти вопросы должны при нормальных условиях решаться, во всяком случае, не при помощи тех средств, какие предполагал применить в отношении Сирии и Ливана генерал Бейне в мае 1945 года.

Вполне понятно, что на такую памятную записку, в связи с позицией, которая была в ней выражена, ливанское и сирийское правительства могли ответить только так, как они ответили. Ливанское правительство 19 мая 1945 года заявило, что оно не в состоянии вести переговоры под угрозой вооруженных сил, и добавило, что эта памятная записка в том виде, как она есть, является по духу, предположениям и стремлениям, которые выявлены в ней, несовместимой с независимостью и суверенитетом Ливана. Аналогичное заявление сделало через день и сирийское правительство, которое реагировало на эту записку таким же образом. В сирийской ноте от 20 мая было сказано:

«Ввиду этих фактов сирийское правительство, которое неоднократно давало доказательства своего духа примирения и желания разрешить проблему, стоящую между Францией и Сирией, считает, что памятная записка — имеется в виду памятная записка от 18 мая 1945 года — вызывает по своему духу и форме требования, несовместимые с сирийской независимостью, и таким образом сирийское правительство не может на этой основе вести переговоры с Францией».

Так обстояло дело с теми условиями, о которых говорило французское правительство в мае 1945 года, условиями, которые сирийское и ливанское правительства не могли не квалифицировать как нарушение суверенитета Сирии и Ливана, не могли не квалифицировать так, как должны квалифицировать все те, кто имеют правильное представление о том, что такое суверенитет, и о том, что такое нарушение суверенитета.

И вот теперь, когда мы в Совете Безопасности выслушали заявление представителя французского правительства г-на Бидо, сказавшего, что французское правительство готово рассмотреть условия, при которых можно было бы найти выход из создавшегося положения, то естественно возник вопрос, о каких условиях говорит и думает г-н Бидо?

Не те ли это условия, которые были предъявлены в записке от 18 мая 1945 года, или это какие-то другие, и в этом случае — какие же именно условия? Неужели Совет Безопасности может удовлетвориться такого рода заявлением по очень серьезному и важному, и я бы сказал, по очень опасному вопросу, который сейчас обсуждается в Совете Безопасности? Французское правительство, как сказал г-н Бидо, готово обсудить условия, которые могли бы разрешить данный вопрос. Но он не сказал, что он имеет в виду. Какие это условия? То, что относится к маю 1945 года, говорит о таких условиях, которые сами по себе являются безусловным нарушением суверенитета и независимости Сирии и Ливана. Поэтому то объяснение, которое дал г-н Бидо, советскую делегацию никак не может удовлетворить, ибо в этом объяснении опять-таки повторяется та же самая песня, которую Сирия и Ливан уже слышали в мае 1945 года.

Я хочу напомнить еще одно выступление де-Голля в июне в Консультативной ассамблее

Франции, выступление, которое также связано с Сирией и Ливаном и связано в то же самое время с теми объяснениями, которые де-Голль, возглавлявший в то время французское правительство, давал по поводу событий, которые, как справедливо говорится в записке ливанской и сирийской делегаций, причиняли постоянное беспокойство в этих государствах и свидетельствами о том, что присутствие британских и французских войск, после того как миновала угроза нападения со стороны немецкого агрессора, являлось источником затруднений. В этом своем выступлении де-Голль говорил следующее:

«Подавляющее несоответствие сил, монополия всей внешней торговли и транспорта, использование огромного аппарата информации и пропаганды, множество политических, экономических и культурных агентов, одетых в военную форму, — таковы были средства, которые позволяли англичанам оказывать на месте на нас, и в то же время на сирийских и ливанских руководителей, огромное и непрестанное давление».

Де-Голль далее говорил следующее: Старались заменить французские интересы британскими интересами в областях, где первые невозможно было оспаривать, как например использование французской доли мозульской нефти, эксплуатация нефтеочистительных заводов в Триполи, эксплуатация железной дороги Хайфа-Триполи. Разумеется, время от времени в Лондоне делались принципиальные заявления, но фактически на месте все делалось вопреки соглашениям, в частности вопреки соглашению от 23 июля 1941 года, словно преследовалась цель постепенного вытеснения Франции. Постоянное вмешательство иностранной державы, явно заинтересованной и располагавшей подобными средствами, в наши отношения с правительствами Дамаска и Бейрута неизбежно ввергало в смутные последние».

И далее: «Разумеется, наличие нефти в некоторых районах Сирии и, во всяком случае, заинтересованность в контролировании каждого из нефтепроводов, которые ведут к Средиземному морю, и заинтересованность в иракской нефти, включая принадлежащую Франции долю, которая является единственной такого рода нашей собственностью во всем мире, могли оказать влияние на позицию Великобритании, но и другие соображения также оказывают влияние на руководителей Британской империи. Никто не может считать простым предлогом постоянно выражаемое ими беспокойство в отношении влияния событий в Сирии и Ливане на положение Англии в других арабских странах Востока».

Какие выводы делал из этого де-Голль в свое время? Небезынтересно было бы узнать, скажу кстати, какова точка зрения г-на Бидо по этому вопросу. Де-Голль делает такой вывод:

«Можно было бы сказать, что интересы наших двух наций и интересы арабских государств заключаются в необходимости для Франции и Англии занять общую позицию и вести общую политику, что мы и предлагали много раз».

После того, что я сказал здесь, мне кажется, я имею право перейти к так называемому англо-французскому соглашению от 13 декабря 1945 г., которое как раз и выражает стремления и общую политику Англии и Франции по отношению к Сирии и Ливану. Я не буду касаться этого со-

глашения по существу. Но я хочу остановиться на вопросе, который, как мне представляется, тесно связан с основной проблемой, сейчас обсуждаемой Советом Безопасности, а именно на вопросе — какое имеет значение это англо-французское соглашение для суверенитета Сирии и Ливана и может ли оно в какой-либо мере удовлетворить суверенные государства, которых этот документ касается.

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на следующие обстоятельства. Статья 2, пункт 1 Устава Организации Объединенных Наций говорит, что наша Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов, а Сирия и Ливан являются членами Организации Объединенных Наций. Этой статьей провозглашается один из важных принципов Устава, а именно принцип суверенного равенства государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, поскольку говорится об этих государствах. Я должен обратить внимание, что в пункте 2 той же самой статьи возлагается на всех членов Организации обязанность обеспечить всем членам Организации Объединенных Наций в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности этих государств к Организации Объединенных Наций. Эти два пункта — 1 и 2 статьи 2, а также тот факт, что Сирия и Ливан являются членами Организации Объединенных Наций, должны служить достаточным основанием, чтобы понять, что англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 года, заключенное без какого-либо их участия, даже без консультации с ними, без привлечения их для решения вопросов, которые их касаются, нельзя рассматривать иначе, как нарушающее суверенитет этих государств.

Мы здесь слышали заявление сэра Александра Кадогана, который по поводу этого англо-французского соглашения сказал, что, разумеется, это соглашение не идеальное. Я думаю, что г-н Кадоган очень снисходителен в данном случае. Это соглашение, с точки зрения элементарных принципов международного права, является просто незаконным, просто неloyальным по отношению к суверенитету Сирии и Ливана, и, конечно, ни о каком идеале здесь говорить невозможно.

Но независимо от того, идеальное это соглашение или не идеальное, отнесемся к нему как к факту. Есть соглашение, называется оно — англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 года. Но что же дает это соглашение с точки зрения законных требований сирийского и ливанского правительств относительно вывода из Сирии и Ливана иностранных войск? Что это соглашение дает с этой точки зрения? Я хочу стоять на совершенно объективной позиции. Есть соглашение. Я представляю себе, что авторы этого соглашения, действительно, хотят вывести эти войска. Но что же об этом говорится в соглашении? И я на этот вопрос должен сказать, — взявши самую сильную лупу или даже телескоп, — вы в этом соглашении не увидите ничего того, что обеспечивало бы реализацию этих добрых намерений, если они действительно существуют, а я хочу верить, что они существуют, относительно вывода иностранных войск с территории Сирии и Ливана. Если вы возьмете это соглашение, то увидите, что там одна ал-

гебра, одни отвлеченные и неопирающиеся на реальность обещания и притом в такой форме, что они никого и ни к чему не обязывают. Это соглашение ни с какой точки зрения никого, кроме разве авторов этого соглашения, не может удовлетворить.

Особенно я должен обратить внимание на один абзац в этом соглашении, который касается Организации Объединенных Наций. Я не считаю необходимым подвергать разбору это соглашение с разных позиций, я уже сказал, что оно, с точки зрения советской делегации, не отвечает тем требованиям, которые необходимы при наличии уважения к суверенитету суверенного государства. Я хочу обратить внимание на ту часть соглашения, которая касается Организации Объединенных Наций, хочу обратить на это внимание как представитель государства, являющегося членом Организации Объединенных Наций, престиж которого затрагивается этим соглашением. Я имею в виду именно следующий абзац этого соглашения. Разрешите мне его процитировать:

«Программа эвакуации (а в этом соглашении речь идет об эвакуации французских и английских войск из Сирии и Ливана) будет составлена таким образом, чтобы она обеспечивала содержание в Ливане достаточных сил, гарантирующих безопасность, до того времени, как решила Организация Объединенных Наций, пока не будет организована коллективная безопасность в этой зоне».

Я хотел бы спросить авторов соглашения, что означает это указание на то, что программа эвакуации будет составлена так, чтобы она обеспечивала содержание в Леванте достаточных сил, которые гарантируют безопасность в этой зоне? Что это означает, как не то, что заранее предвидится соглашением от 13 декабря 1945 г., что в Сирии и Ливане должны будут оставаться и после 13 декабря 1945 г. иностранные войска и что они должны будут оставаться для того, чтобы «гарантировать безопасность в этой зоне»? Что это значит, как не то, что они будут оставаться там до той поры, когда Организация Объединенных Наций решит вопросы, связанные с коллективной безопасностью в этой зоне?

Я должен сказать, что мне и, надеюсь, остальным членам Совета не известно, чтобы Организация Объединенных Наций предполагала принимать какие-то особые решения по поводу коллективной безопасности в этой зоне. Откуда это взято? Почему в этом соглашении делается ссылка на Организацию Объединенных Наций, которая должна будет якобы принять какое-то решение относительно коллективной безопасности в этой зоне? Вообще, при чем тут Организация Объединенных Наций, никакого отношения не имеющая в действительности к тому, что происходило в то время и сейчас происходит в Сирии и Ливане?

Перехожу к следующему вопросу. По заявлению г-на Кадогана, английские войска появились в Сирии и Ливане в тот период, когда нужно было обезвредить вишневых, засевших в этих странах. Потом, после того как эта задача была выполнена, британские войска были вынуждены вмешаться в конфликт между французскими войсками и сирийским населением. Эти столкновения носили кровавый характер, и нам

здесь напомнили, что британские войска должны были вмешаться для установления порядка. Следовательно, присутствие британских войск в Сирии в мае 1945 г. было вызвано или было связано с беспорядками, которые там произошли в связи с присутствием французских войск, имевших столкновение с сирийским населением. В таком случае дело должно идти не об установлении «коллективной безопасности в этой зоне», а об устранении коллективной опасности, созданной присутствием иностранных войск.

Из объяснений г-на Кадогана и г-на Бидо видно, что опасность возникла из-за присутствия французских войск в нарушение суверенитета Сирии и что английские войска понадобились для устранения этой опасности. Иначе говоря, если поставить вопрос, который здесь поставил г-н Франжи, глава делегации Ливана, против кого же нужно держать войска в Сирии, то оказывается, что английские войска там сосредоточены для предотвращения беспорядков, которые вызываются присутствием там французских войск, а французские войска держат там потому, что оттуда не уходят английские войска. И все это называется «уважением суверенитета». Это, знаете, совершенно новый словарь международного права.

Мне кажется, что те объяснения, которые мы здесь слышали от г-на Кадогана и г-на Бидо, говорят о том, что в действительности обстоятельство, исторически оправдывавшие присутствие английских и французских войск в Сирии и Ливане, уже прошли, и тех обстоятельств, которые оправдывали это присутствие с точки зрения борьбы с немецкой агрессией, — этих обстоятельств сейчас уже нет. что те условия, которые могут быть законными и оправдывающими присутствие иностранных войск, союзных иностранных войск в союзной стране, — сейчас отпали, отсутствуют.

При обсуждении греческого вопроса здесь было признано, что в союзной стране союзные войска могут находиться только по приглашению данного правительства или для охраны коммуникаций. И это был один из доводов, которые здесь использовались против советского требования об эвакуации британских войск из Греции. Говорилось: позвольте, британские войска там находятся потому, что об этом просит греческое правительство. Но сейчас просят о противоположном. Почему же эти войска все же там находятся? Если вас тогда просили оставаться, как здесь утверждали, то сейчас просят не оставаться. Я думаю, что эту просьбу надо удовлетворить. Нет оснований говорить о каких-то особых интересах, которые требуют присутствия в союзной стране союзных войск, независимо от тех условий, которые оправдывали бы пребывание этих войск в этой стране.

Г-н Кадоган заявил, что «нас — Великобританию и Францию (а может быть только Великобританию) — нужно освободить от ответственности за мир и порядок в Сирии и Ливане», то на этот вопрос можно дать очень прямой и ясный ответ. Что касается советского правительства, то оно охотно немедленно освободит и Францию и Великобританию, от этой ответственности, тем более что никто на них такой ответственности не возлагал. Я думаю, что их охотно освободят от этой ответственности Сирия и Ливан, страны, заинтересованные более, чем кто-либо другой, в

этом деле. Ответственность за охрану мира и безопасности в своих государствах они должны взять на себя как суверенные государства и в этом им никто не может помешать. Наша Организация должна им в этом отношении помочь. Это вытекает из пункта 6 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, где говорится:

«Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности».

Если даже не член Организации должен действовать так, чтобы обеспечить, чтобы принципы, указанные в этой статье, были приведены в действие, то тем более это правило должно быть применено в государствам, являющимся членами Организации Объединенных Наций.

Я думаю, вопрос стоит очень просто. Если вы, г-н Кадоган, спросили по поводу Греции — насколько юридически обосновано требование о выводе британских войск из Греции, когда греческое правительство «просило», чтобы эти британские войска остались, а мы доказывали, что и при этих условиях нужно вывести британские войска, так как греческое правительство делает в этом случае ошибку, то какие же основания сейчас отказывать в выводе британских и французских войск, когда два суверенных государства, два члена Организации Объединенных Наций — Сирия и Ливан — просят в Совете Безопасности о выводе британских и французских войск с их территории.

Выход очень простой. Никаких дополнительных переговоров. Дело дошло до Совета Безопасности, налицо все условия для того, чтобы рассмотреть этот спор, ибо это спор — это вчера очень авторитетно разъяснил г-н Бевин — и этот спор надо решать на основании Устава. Г-н Бидо говорит — «я не знаю ни одной статьи в Уставе, которая была бы подходящей». Я могу ему помочь в этом деле. Назову статью 33, пункт 1, статьи 34, 35, 36, пункт 1, статью 37. Я назвал пять статей. Неужели этого недостаточно?

Я думаю, что нужно удовлетворить требование — я не говорю просьбу, ибо здесь нельзя просить, а именно требование, которое справедливо предъявлено на основе государственного суверенитета независимой, суверенной страной, — требование Сирии и Ливана о том, чтобы было вынесено решение Совета Безопасности о немедленной и одновременной эвакуации французских и британских войск из Сирии и Ливана. Другого выхода из создавшегося здесь положения нет.

Два месяца тому назад было заключено англо-французское соглашение об эвакуации войск Британии и Франции из Сирии и Ливана. Я спрашиваю, что сделано за это время для реализации этого соглашения? Где программа, которая предусматривает реализацию этого соглашения, где результаты? Какие меры проводятся? Что реально сделано? Ничего. Два месяца прошли, как один день. Что же, Совет Безопасности предпочитает стоять в стороне как посторонний зритель? Но ведь Совет Безопасности — орган, на котором действительно лежит ответственность перед миром за то, чтобы суверенное государство уважалось, чтобы уважался

провозглашенный Уставом принцип равенства государств, входящих в состав Организации Объединенных Наций.

Единственное достойное нашей Организации решение — это удовлетворить требование сирийского и ливанского правительств, которое советская делегация здесь полностью поддерживает от имени советского правительства.

Г-н Веллингтон КУ (Китай) (*говорит по-английски*): Я предполагаю сделать краткое заявление относительно позиции моего правительства.

Вопрос, представленный Совету Безопасности сирийским и ливанским правительствами, и заявления, сделанные их представителями, а также представителями Франции и Соединенного Королевства, затрагивают по мнению китайского правительства очень важный принцип, который состоит в следующем. Присутствие иностранных войск на территории дружественного и независимого государства, без ясно выраженного согласия этого государства, представляет собой первое доказательство ограничения его суверенной власти, факт, несовместимый с положениями Устава Организации Объединенных Наций и с общепризнанными принципами международного права. Войска эти должны быть выведены как можно скорее.

В данном случае французские и британские войска были посланы в Сирию и Ливан для ведения военных операций против противника. Коль скоро такова причина их нахождения на территории Сирии и Ливана, они должны быть полностью выведены, как только миновала в них необходимость, вызванная войной, и достигнута цель их присутствия.

Следует только принять ряд практических мер для вывода войск, включая определение сроков начала и окончания этой эвакуации. Для этого прежде всего необходимы, по нашему мнению, переговоры между сторонами, непосредственно заинтересованными в данном деле. Мы полагаем, что Совет Безопасности хотел бы получать сведения о ходе и результатах этих переговоров. Китайское правительство искренне надеется, что эти переговоры увенчаются полным успехом к удовлетворению всех, кто в них заинтересован.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу сказать несколько слов в качестве представителя Австралии, по вопросу, который рассматривается Советом в настоящее время.

Цель, ради которой в свое время британские и французские войска вступили в Сирию и Ливан, всем хорошо известна. Правительства Сирии и Ливана утверждают, однако, что цель эта теперь достигнута, и категорически заявляют, что желают вывода этих войск. Представитель Сирии добавил к этому, что британские войска были бы уже эвакуированы, но что его правительство желает одновременного вывода всех иностранных войск.

Таким образом, существует ясное различие между этим случаем и другими, с которыми Совет Безопасности имел недавно дело. Во всех прочих случаях иностранные войска находились на территории данной страны с согласия правительства этой страны. В иранском вопросе применялись положения договора. Что касается Греции и Индонезии, то соответствующие правительства уведомили Совет, что они согласились

на дальнейшее пребывание иностранных войск на их территориях. Но когда суверенное государство, состоящее членом Организации Объединенных Наций, уведомляет Совет, что иностранные войска находятся в пределах страны без согласия правительства последней, Совет обязан подвергнуть этот вопрос самому внимательному рассмотрению.

Англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 г. устанавливает, что французское правительство сохранит в Ливане перегруппированные силы до тех пор, пока Объединенные Нации не вынесут решения об организации коллективной безопасности в этой зоне. Представители Сирии и Ливана по существу утверждали, что две державы не имеют права брать на себя ответственность за обеспечение безопасности на территории другого государства.

Из заявлений, сделанных в Совете, представляется ясным, что между заинтересованными сторонами ведутся переговоры в стремлении добиться вывода войск по соглашению. Эти переговоры должны, по-моему, продолжаться для достижения этого соглашения в возможно краткий срок. Этот способ разрешения вопроса является одним из тех, которые предусматриваются статьей 33 Устава.

Сдержанность, с которой обе стороны представили Совету факты, как они их понимают, дает мне уверенность в том, что путем дальнейших переговоров могут быть достигнуты быстрые результаты. Я полагаю поэтому, что было бы достаточно для Совета принять к сведению заявления сторон и пригласить их продолжать переговоры с целью быстрого разрешения этого вопроса путем взаимного соглашения. О результатах переговоров должно докладываться Совету и, если переговоры не смогут быть удовлетворительно закончены в приемлемый срок, Совет может тогда обсудить вопрос о принятии дальнейших мер.

Г-н РИАЗ (Египет) (*говорит по-французски*): В обсуждении вопроса, которым мы сейчас заняты, столкнулись две точки зрения.

Представители правительства Сирии и Ливана базируют свои доводы на очень простом и совершенно ясном принципе, принципе, я бы сказал, кристальной ясности: на суверенном равенстве государств, на пункте 1 статьи 2 Устава, который уже здесь цитировался и который я в свою очередь процитирую, так как из него вытекают важные следствия. Этот принцип является непреложным основанием нашей Организации. Согласно положениям самого Устава, «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов». Устав говорит правильно: «основана». Здесь выражено главное положение; нужно только вывести все необходимые следствия. Эти следствия очень просты, так же просты, как и сам принцип: каждое государство отвечает за то, что происходит на его территории, и никакое другое государство не имеет права вмешиваться в его военные или иные дела.

Я возвращаюсь к этому пункту Устава. Если вы сделаете брешь в этом принципе, вы сделаете брешь в нашей Организации. Если столь ясный и так твердо установленный принцип подвергается сомнению, тогда я полагаю и заявляю об этом всем здесь присутствующим представите-

лям, что будет лучше, чтобы мы ликвидировали эту Организацию, предоставивши пяти великим державам право поступать так, как они сочтут необходимым для поддержания мира и безопасности. Но так как наша Организация основана на этом принципе, то только уважая этот принцип, мы можем ее сохранить.

В противоположность этому чрезвычайно простому принципу у нас есть французская точка зрения, которая основывается не на тексте Устава, но на соображениях морального, политического и исторического характера, я сказал бы даже — на соображениях, которые диктуются обстановкой момента и, возможно, весьма важны с точки зрения Франции, но должны уступить принципу, о котором я только что говорил. Тезис Франции не имеет под собой никакого юридического основания; он не основывается также на положениях Устава или на общепризнанных принципах международного права.

Министр иностранных дел Франции старался, однако, представить нам, я не сказал бы аргументацию юридического характера, но во всяком случае попытку обосновать свой тезис логическими рассуждениями. Он заявил нам, что существуют обязательства, вытекающие из мандата и присутствия Франции в этих странах, и что в силу этих обязательств необходимо для Франции сохранить войска в Сирии и Ливане до тех пор, пока Объединенные Нации не освободят ее от этой ответственности. Я полагаю, что само французское правительство не очень убеждено в правильности этой точки зрения. В самом деле, если это правительство говорит об обязательствах в этих странах, то оно должно соблюдать их в Сирии в такой же мере, как и в Ливане. Фактически, однако, Франция уже согласилась эвакуировать Сирию и перегруппировать свои силы в Ливане. Если есть обязательство, оно неделимо. Как вы сами видите, французское правительство не убеждено в силе этого аргумента.

Приводится другое доказательство — доказательство коллективной безопасности. Здесь французы основываются на соглашении от 13 декабря 1945 г., которое они заключили с британским правительством. Это соглашение, как мне кажется, уже подверглось сегодня достаточно серьезной критике, так что я ограничусь только несколькими словами. На каких основаниях Франция и Англия взяли на себя ответственность за коллективную безопасность? На основании какого мандата? Я вернусь к этому пункту впоследствии, так как хочу закончить обзор главнейших доводов, выдвинутых сегодня утром г-ном Бидо. Он спросил нас, противоречит ли положениям Устава передача этого вопроса на рассмотрение Объединенных Наций. Я этого не думаю. Но что действительно противоречит Уставу, — это попытка заменить собой Совет Безопасности. О коллективной безопасности есть очень ясная статья в Уставе, именно статья 43. Я просил бы вас прочитать ее внимательно. По-моему, она заключает в себе все элементы стоящей перед нами проблемы. Она гласит: «Все члены Организации, для того чтобы внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, обязуются представлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением, или соглашения-

ми необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания...». И далее, пункт 3 указывает, что переговоры о соглашениях предпринимаются «по инициативе Совета Безопасности».

Таково содержание текста, определяющего в нашей Организации характер и способ осуществления коллективной безопасности. И я вижу только один источник власти: Совет Безопасности. Все решения и все меры принимаются по инициативе Совета Безопасности и «по его требованию», согласно подлинным выражениям Устава. Поэтому я спрашиваю французское и британское правительства: уполномочил ли вас Совет Безопасности действовать таким образом и говорить о коллективной безопасности, в то время как речь идет о соглашении между вами двумя? Даже если бы действительно существовала опасность войны, ответственность за принятие надлежащих мер лежала бы опять-таки на Совете Безопасности.

Я обращаю внимание обоих правительств, подписавших это соглашение, на другую статью Устава, статью 24, пункт 1 которой гласит: «Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций, ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности...». Таким образом, все члены Организации, включая оба правительства, заключившие между собой соглашение, передали в руки Совета Безопасности всю власть, необходимую для поддержания мира и безопасности. Я сказал бы даже, что, в случае действительной угрозы или опасности для мира, эти две державы должны были бы сами обратиться внимание Совета Безопасности на эту угрозу или на эту опасность.

Я на этом кончаю и резюмирую сказанное. Ни положения Устава, ни общепризнанные принципы, каковыми являются принципы международного права, не оправдывают присутствия войск одного государства на территории другого, против воли последнего. Это непоколебимый принцип, который, мне кажется, никто не оспаривает. Надлежащим выводом из этого принципа, выводом логическим, юридическим и даже (как я бы сказал моим друзьям французам) политическим является возможно быстрая эвакуация французских и британских войск из Ливана и Сирии. Я сказал бы, как г-н Стеттиниус, что эта эвакуация должна быть закончена в самый краткий срок, какой практически возможен.

Нам говорят о переговорах. Я полагаю, что переговоры конечно необходимы. Я сказал бы, как г-н Стеттиниус и г-н Веллингтон Ку, что эти переговоры необходимы для достижения результата. Но какие переговоры и о чем? Будем ли мы обсуждать самый принцип? Но о принципе никто не спорит. Предметом этих переговоров может быть только одно: обсуждение деталей эвакуации. Я думаю, что обе стороны в данном вопросе сговорятся об этих деталях и что переговоры будут проведены с наибольшей скоростью, какая только возможна.

Добавлю еще только одно слово: эвакуация Сирии уже почти закончена, и мне кажется, что это доказывает возможность на практике уладить все достаточно быстро. В этой надежде и опира-

ясь на прошлый опыт, я полагаю, что обе стороны легко смогут прийти к соглашению и останутся друзьями в будущем.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Польский народ, который я имею честь здесь представлять, испытывает чувство радости всякий раз, когда семья независимых и суверенных наций увеличивается с принятием в нашу Организацию нового члена. Вполне понятно поэтому то искреннее удовлетворение, с каким была встречена в Польше новость о том, что Сирия и Ливан стали независимыми государствами. Эта новость была для нас тем более приятна, что она была только что объявлена страной, с которой Польша связана узами традиционной дружбы, каковая, надеюсь, останется неизменной. Это признание независимости является, по-моему, справедливым и разумным актом, необходимым не только для блага Сирии и Ливана, но и в интересах французского народа. Но если этот акт, имевший место в обстоятельствах военного времени, не мог дать тогда немедленных результатов, то сегодня он может и должен, по-моему, быть доведен до логического конца.

Правда, еще не ликвидировано все наследие войны. Но я полагаю, что Совет Безопасности создан как раз с этой целью, т. е. с целью изыскания средств, способствующих возвращению к нормальному положению везде, где помощь Совета необходима. Я полагаю, что, действуя таким образом, мы действуем в интересах всех народов и в интересах нашей Организации.

Когда здесь рассматривается вопрос о каком-либо споре, обычно принято ссылаться на статью 34, которая говорит о положениях, могущих угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Различные толкования даются этой фразе, и мне кажется, что Совет Безопасности еще не определил ее точного значения. Я не предполагаю настаивать на выяснении этого пункта сегодня же, хотя необходимо, мне кажется, это сделать в ближайшем будущем. Я полагаю, однако, необходимым подчеркнуть, что выражение «угрожать поддержанию международного мира и безопасности» всегда истолковывалось до настоящего времени в слишком, я бы сказал, элементарном смысле. Но тот, кто знает, как зарождаются подобные конфликты и каковы их источники, часто весьма отдаленные, — должен согласиться, по-моему, в необходимости дать этому выражению несколько более широкое толкование. Мне кажется, что именно такое узкое толкование этой фразы мешало Совету Безопасности ясно высказаться по ряду вопросов, которые были в нем подняты.

Я позволил себе обратить сегодня внимание Совета на этот вопрос, так как очень хотел бы, чтобы Совет дал на этот раз честный ответ на справедливую и законную просьбу Сирии и Ливана. Если же Совет Безопасности не сочтет все-таки необходимым дать такой ответ, польская делегация без колебаний поддержит своим голосом решение, на котором настаивают делегации Сирии и Ливана, даже в том случае, если польская делегация окажется в меньшинстве, как это уже случалось раньше, ибо быть в меньшинстве вовсе не значит быть неправым.

Г-н де ФРЕЙТАС-ВАЛЛЕ (Бразилия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы закончить цитату,

приведенную представителем Ливана из моей речи в Совете на одном из предыдущих заседаний¹²⁵. Принцип, которому, как я заявил, Бразилия остается верна, заключается в том, что никакие войска не должны посылаться в какую-либо страну, кроме территорий бывших врагов, для наблюдения за правильностью выборов. И другой принцип, которому Бразилия также верна, состоит в том, что иностранные войска не должны находиться в государстве, которое состоит членом Организации Объединенных Наций, кроме как в силу какого-либо добровольного соглашения и с согласия правительства этого государства. В данном конкретном случае бразильское правительство надеется, что лояльно проведенные переговоры между Сирией и Ливаном, с одной стороны, и Францией и Соединенным Королевством с другой, быстро приведут к удовлетворительному разрешению вопроса.

Г-н ВИДО (Франция) (*говорит по-французски*): Я хочу сказать только несколько слов. Но перед этим я полагаю полезным ответить на два поставленных здесь вопроса, которые представляются довольно важными в моральном отношении.

Мне кажется, это был мой друг, представитель Египта, который предложил сам себе такой вопрос: вполне ли убеждена французская делегация в правильности занятой ею позиции? Я могу его уверить, что французская делегация, как и следует ожидать, вполне убеждена в правильности своей позиции, ибо в противном случае она бы эту позицию изменила.

Второй вопрос, поднятый в ходе наших обсуждений, заключается в том, является ли политика правительства, к которому я имею честь принадлежать, все еще той же, какой она была при генерале де-Голле? Я хотел бы заверить Совет в том, что я лично не предполагаю ставить подобные вопросы, понимая (в наших общих, как мне кажется, интересах), что за этим столом сидят правительства, представляющие соответствующие нации. Мне кажется поэтому, что все меня поймут, если я скажу, что такие вопросы не ставятся.

Мы приближаемся, повидимому, к концу этих обсуждений (я не говорю — споров, ибо это слово может быть неправильно истолковано), и Совет Безопасности за это время имел возможность заслушать заявления, представленные ему правительствами Сирии и Ливана, равно как французским и британским правительствами. Таким образом, Совет Безопасности вполне осведомлен о точках зрения обеих сторон, равно как о положении вещей в целом, и главным образом о том акте, который лежит в основе жалоб Сирии и Ливана, а именно соглашения от 13 декабря 1945 г., а также о толковании этого акта подписавшими его сторонами. В силу этого акта создано положение, которое мое правительство готово обсуждать, как оно об этом уже заявляло, с правительствами Сирии и Ливана. Со стороны Франции никогда не было каких-либо возражений против того, чтобы этот вопрос со всеми предшествующими обстоятельствами стал предметом рассмотрения Организацией Объединенных Наций.

Это настолько ясно, что когда в прошлом году произошли события, которые некоторые делегации сочли нужным отметить, французское правительство немедленно предложило международное расследование, как средство, которое по своей идее могло стать прообразом процедуры, впоследствии установленной положениями Устава Организации Объединенных Наций. Таким образом французское правительство предложило прежде всего в своей ноте от 6 июня созыв конференции, членами которой должны были быть представители пяти правительств, будущих постоянных членов Совета Безопасности. Когда это предложение осталось без последствий, французское правительство предложило образование комиссии по расследованию, составленной из представителей нейтральных держав. Это второе предложение, представленное в Сан-Франциско, точно так же не было принято. Но мне кажется, что при существующих обстоятельствах, да и вообще, трудно упрекать французское правительство в намерении уклониться в этом деле от расследования фактических данных какой-либо международной организацией. В этой организации было бы возможно выяснить все жалобы, какие были заявлены, особенно г-ном Вышинским, на французское правительство в его прежнем или нынешнем составе.

Но прошло восемь месяцев со времени этих французских предложений, и только теперь развернулось разностороннее и полное обсуждение в компетентном органе Объединенных Наций. И мне кажется трудно удивляться тому, что за это время, в течение этих восьми месяцев, свидетелей стольких событий, было заключено соглашение между двумя заинтересованными правительствами, предоставившими свои войска, в попытке регулирования создавшегося положения с целью, повторяю еще раз, сделать возможным эвакуацию войск.

В процессе наших обсуждений для французской делегации стало очевидным, что, при достаточно объективном рассмотрении этого вопроса, в нем нет оснований для таких разногласий между сторонами, какие представляли бы угрозу миру и таким образом действительно оправдывали бы необходимость определенных мер со стороны Совета Безопасности. Поэтому я возвращаюсь к заключениям, которые я уже формулировал сегодня утром, и предлагаю, чтобы Совет положился на французское правительство и доверил ему, вместе с британским правительством и по соглашению с правительствами Сирии и Ливана, выработку удовлетворительного разрешения всех трудных сторон вопроса, представленного на рассмотрение Совета.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Прежде чем взять слово, я хотел сначала узнать, что скажет французский представитель в ответ на замечания, направленные к нему с различных сторон.

Мне кажется, что положение, в котором находятся Сирия и Ливан не может считаться нормальным. Если войска одной страны находятся на территории другой, несмотря на ясно выраженные протесты последней, это представляет собой ненормальное явление, которое, как указал, мне кажется, представитель Китая, есть ограничение суверенитета, что трудно согласовать с положениями Устава.

¹²⁵ См. стр. 87 и 158.

Первоначально присутствие этих войск могло быть вполне обосновано, а в случае Сирии и Ливана я полагаю, что вначале были действительно очень веские причины нахождения там этих иностранных войск. Но даже такого рода причины могут оставаться действительными только временно. Это повидимому признается Францией, равно как и Великобританией. Великобритания говорит: «Я готова увести свои войска», Франция, повидимому, говорит: «Я уведу свои войска, когда для этого наступит удобный момент, но я прошу вас оказать мне доверие».

Я очень хорошо понимаю нетерпение, с каким Сирия и Ливан ожидают ухода иностранных войск, но с другой стороны еще нет года, как сдалась Германия. Это может показаться долгим сроком для того, кто хочет быть хозяином в своем собственном доме. Но действительно ли это уж такой большой срок? Есть иностранные войска еще во многих странах, как следствие войны, и поэтому, если Франция говорит: «Я уведу свои войска, но я прошу вас оказать мне доверие», я не вижу причины, почему мы должны отказать Франции в этом доверии. Конечно Франция выведет свои войска, и я полагаю, что мы увидим это в недалеком будущем. Миру было бы непонятно, если бы Франция не вывела свои войска. Мало того, допустим, что французские войска не будут выведены, — тогда Совет может принять решение о расследовании вопроса на основании статьи 34 Устава.

Я думаю поэтому, что Совету надлежит принять к сведению заявления всех четырех сто-

рон; выразить нашу уверенность в том, что в недалеком будущем, в результате переговоров или каким-либо другим образом, иностранные войска будут выведены из Сирии и Ливана; предложить сторонам уведомить Совет, как только это будет выполнено, чтобы в любое время Совет мог вернуться к этому вопросу; и перейти к следующему пункту повестки дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Как я понимаю, вы вносите предложение?

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хотел бы теперь узнать, каковы пожелания Совета относительно дальнейшей работы. Я должен указать, что три представителя уже выразили свое желание выступить. Поэтому я хотел бы знать, угодно ли Совету продолжать работу дальше или закрыть сейчас заседание. Внесено предложение о закрытии заседания. Я хотел бы знать, соберемся ли мы опять в 10 ч. сегодня вечером или же завтра утром.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Есть французская поговорка, г-н Бидо поправит меня, если я ошибаюсь: «La nuit porte conseil» (утро вечера мудренее). Я предлагаю собраться завтра утром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я объявляю заседание закрытым. Следующее заседание — завтра в 11 ч. утра.

Заседание закрывается в 7 ч. 40 м. вечера.